

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ИЗРАИЛЯ

Коррупция в государственных органах власти – серьезная и опасная социальная проблема, которая препятствует обеспечению жизненно важных для общества интересов, отрицательно влияет на динамику социально-экономического развития, снижает уровень доверия к органам государственной власти и должностным лицам.

В Израиле система антикоррупционных законов включает обширный перечень подзаконных правовых актов. По индексу восприятия коррупции, измеряющему уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, Израиль находится на 36-м месте из 180 стран по показателям за 2019 г.

Национальная полиция Израиля входит в состав Министерства внутренней безопасности. Ее обязанности изложены в Приказе о полиции Израиля 1971 г. К ним в том числе относятся предотвращение, выявление и расследование преступлений, связанных с коррупцией, во всех органах государственной власти.

Законодательной базой для борьбы с коррупцией является Закон о мошенничестве и злоупотреблении доверием 1977 г. с поправками. Согласно данному закону для должностного лица, которое совершило акт мошенничества или злоупотребило доверием, что повлекло за собой негативное общественное влияние на «чистоту» государственной власти или государственных служащих, предусмотрено наказание до трех лет лишения свободы.

Национальная полиция Израиля, основываясь на своих главных принципах, таких как ответственность, честность и прозрачность, внедряет и реализует различные программы по предотвращению и выявлению коррупции в том числе в своем ведомстве.

В соответствии с рекомендациями Израильского института демократии и программой по борьбе с коррупцией во всех органах власти назначение на должность в органы власти осуществляется исключительно в общественных интересах. Кандидаты на должности должны обладать соответствующей квалификацией и навыками. Всем участвующим в конкурсе на свободные должности предоставляются равные возможности. Лицо, занимающее должность государственного служащего, является государственным доверенным лицом и должно исполнять свои

обязанности в рамках закона и в интересах всего общества. Государственная служба подлежит обязательному дисциплинарному контролю.

Методы предотвращения и выявления коррупции в ведомстве постоянно меняются и совершенствуются. Например, одним из нововведений последних лет стало использование параметра оценки служащего. Этот параметр зависит от характеристики прямого начальника, от оценки работы сотрудника его коллегами, а также от конкретной деятельности служащего, включая прохождение аттестаций, курсов повышения квалификации и др. Из вышеперечисленного впоследствии складывается общая оценка, которая корректируется раз в год и сопровождает сотрудника в дальнейшем при любом его продвижении по службе или переходе в другой отдел или подразделение. Такая оценка позволяет достаточно точно охарактеризовать служащего и его профессиональные компетенции. Соответственно, повышая оценку, служащий имеет больше возможностей в конкурентной борьбе за должность или внеочередное звание.

Одним из нововведений для участия в конкурсе на высокие руководящие должности также стало обязательное прохождение проверки с помощью полиграфа. Служащего полиции, уличенного в коррупции или ином противоправном действии, отстраняют от непосредственного исполнения обязанностей. Его дело передается для расследования в следственный отдел Министерства юстиции по расследованию противоправных действий сотрудников полиции. После расследования и выяснения всех обстоятельств выносится протокол с решением. Сотрудник, признанный виновным в противоправных действиях, увольняется из Национальной полиции без соответствующей компенсации и возможности восстановления.

Резюмируя, стоит отметить, что борьба с коррупцией в органах государственной власти и полиции должна являться перспективной задачей в развитии общества.

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Противодействие коррупции находится в центре внимания разных государств, однако принимаемые меры не возымели ожидаемого эффекта. По нашему мнению, это обусловлено причинами социального, экономи-

ческого и политического характера, а также недостатками законодательного регулирования в данной области, в частности отсутствием в антикоррупционном законодательстве определения понятия коррупционных преступлений (преступлений коррупционной направленности), точно и однозначно отражающего содержание и объем данного понятия.

В гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации преступлениям против собственности посвящены 7 статей. Согласно им совершение деяния лицом, использующим свое служебное положение, выступает особо квалифицирующим признаком (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, п. «а» ч. 3 ст. 159.6, ч. 3 ст. 160 УК РФ). Особо квалифицированный состав имеет место в том случае, если любое из перечисленных хищений совершается организованными группами или в особо крупном размере.

В ведомственной статистике Генпрокуратуры России и МВД России выделен перечень преступлений коррупционной направленности (Перечень 23), в котором перечислены деяния, одновременно обладающие несколькими признаками. Во-первых, субъектом преступления являются должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, либо лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, определенные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; во-вторых, имеется связь деяния со служебным положением виновного лица, его отступлением от своих непосредственных обязанностей; в-третьих, наличествует корыстный мотив данного лица, стремящегося получить права и выгоды имущественного характера как для себя, так и для третьих лиц; в-четвертых, деяние совершается только с прямым умыслом.

Все преступления коррупционной направленности в Перечне 23 разделены на две большие группы, первую из которых составляют уголовно наказуемые деяния, входящие в этот перечень без каких-либо дополнительных условий, а вторую – преступления, которые должны соответствовать определенным условиям. При этом преступления, предусмотренные ч. 3–7 ст. 159, ч. 3, 4 ст. 159.1, ч. 3, 4 ст. 159.2, ч. 3, 4 ст. 159.3, ст. 159.4, ч. 3, 4 ст. 159.5, ч. 3, 4 ст. 159.6, ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ, включены именно во вторую группу, но при условии, что в статистической карточке имеется отметка о коррупционной направленности деяния, о его совершении указанными выше лицами, использовавшими для этого свое служебное положение. Одновременно в п. 4 Перечня 23 выделяется еще одна группа уголовно наказуемых деяний, потенциально способствующих совершению преступлений данной направленности, если об этом имеется соответствующая отметка в статистической карточке. В данную группу входят, в частности, все виды мошенничества, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ, включая утратившую силу ст. 159.4 УК РФ.

Считаем, что каждое хищение чужого имущества, при совершении которого виновное лицо, являющееся должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, использует свое служебное положение, следует признавать преступлением коррупционной направленности.

Использование служебного положения, по сути, является самостоятельным способом совершения преступления, равно как и обман или злоупотребление доверием, что, на наш взгляд, ставит под сомнение целесообразность его смешения с объективной стороной мошенничества. Поэтому важно трактовать понятие лица, использующего служебное положение для совершения преступления, в узком смысле, т. е. в соответствии с действующей судебной практикой, не распространяя это понятие на лиц, не отвечающих признакам, указанным в примечаниях к ст. 201 и 285 УК РФ, но использующих свое положение, основанное на гражданско-правовом или трудовом договоре, в криминальных целях.

Кроме того, следует учитывать, что хищения чужого имущества, совершаемые лицами, использующими свое служебное положение, посягают не только на собственность, но и на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственных или муниципальных органов власти, учреждений, унитарных предприятий, государственных корпораций или компаний, акционерных обществ, контролируемых Российской Федерацией, ее субъектами или муниципальными образованиями, а равно Вооруженных Сил РФ или отдельных воинских формирований, коммерческих или иных организаций. Сочетание данных объектов посягательства, присущее «служебным» хищениям, существенно повышает их общественную опасность, что не в полной мере может быть учтено при дифференциации ответственности в рамках указанных выше статей гл. 21 УК РФ, равно как и типичное для таких преступлений причинение имущественного вреда, многократно превышающего особо крупный размер ущерба, установленный для хищений чужого имущества.

Полагаем, что одной из основных причин низкой эффективности уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым лицами, использующими свое служебное положение, является отсутствие в уголовном законодательстве специальной нормы, предусматривающей адекватную ответственность за такие преступления. С нашей точки зрения, совершение должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, хищения с использованием имеющихся у них служебных полномочий не уступает и даже превосходит по общественной опасности получение

взятки или предмета коммерческого подкупа, поскольку изначально направлено на причинение ущерба гражданам, организациям либо бюджету муниципальных образований, федеральному бюджету или бюджету субъектов Российской Федерации и, как следствие, сопряжено с нарушением как минимум двух непосредственных исполнителей.

Изложенные обстоятельства, по нашему мнению, позволяют сделать вывод о целесообразности дополнения гл. 21 УК РФ новой статьей об ответственности за хищение путем использования служебного положения. Подобные нормы имеются в зарубежном законодательстве. Так, например, в УК Республики Беларусь выделена подобная норма (ст. 210 УК), предусматривающая более строгую ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

В предлагаемой нами новой уголовно-правовой норме целесообразно дифференцировать ответственность с учетом более крупных размеров причиняемого ущерба по сравнению с «обычными» хищениями чужого имущества. Одновременно необходимо исключить из ст. 159–160 УК РФ особо квалифицирующий признак в виде совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения, а в новой статье отнести «служебное» хищение к категории тяжких преступлений уже на уровне его основного состава с усилением наказания в последующих частях данной статьи при совершении деяния в крупном и особо крупном размерах, определяемых в примечании к предлагаемой норме.

Считаем, что реализация высказанного предложения будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой борьбы с коррупцией в части хищений чужого имущества, совершаемых с использованием служебного положения, в том числе формированию единой правоприменительной практики и статистической отчетности в данной области.

УДК 343.9

А.Л. Сантатов

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Профилактика и противодействие преступности несовершеннолетних являются одними из приоритетных направлений в деятельности Следственного комитета Российской Федерации. В последнее время наблюдается снижение числа преступлений несовершеннолетних (если в 2006 г. ими было совершено 150 300 преступлений, то в 2019 г. –

37 953). Тем не менее, по результатам современных социологических и криминологических исследований, преступность несовершеннолетних отличается высокой степенью латентности. Количество и качество совершаемых в последние годы преступлений данного вида создает реальную угрозу для общественной безопасности России.

Уголовная статистика фиксирует увеличение уровня насильственной и организованной преступности несовершеннолетних, рост количества тяжких преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти или вражды в отношении представителей отдельных социальных групп, а также преступлений, сопряженных с экстремизмом. Особое беспокойство вызывает рецидив преступлений, совершаемых несовершеннолетними, осужденными условно, освободившимися из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, а также воспитательных колоний. По данным современных исследователей, удельный вес рецидивных преступлений достигает 50 %. Отмечается рост количества несовершеннолетних правонарушителей с психическими заболеваниями (на 80 воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа около 50 имеют психиатрический диагноз).

Причинами снижения показателей преступности несовершеннолетних являются негативные тенденции в социально-демографической сфере: снижение рождаемости в 1990-х гг., законодательные решения, направленные на сокращение количества несовершеннолетних правонарушителей, низкая эффективность профилактической работы, непрофессионализм сотрудников правоохранительных органов, несовершенство уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность и наказание несовершеннолетних.

За 9 месяцев 2020 г. выявлено 24 572 несовершеннолетних, совершивших преступления. В настоящее время последовательное снижение их доли в общем числе преступников (–18,5 %) компенсируется увеличением процента несовершеннолетних, совершивших преступления в соучастии (47,7 %), а также в составе организованной группы или преступной организации (–17,3 %). На 53,3 % увеличилось число несовершеннолетних, совершивших преступления в период неотбытой части наказания после условно-досрочного освобождения.

На виктимизацию несовершеннолетних и молодежную преступность в целом оказывают влияние: открытая пропаганда криминальной культуры в печатной, видео-, кино- и иной продукции, особенно в сети Интернет; появление и развитие неформальных объединений несовершеннолетних (колумбайн-сообщества, АУЕ и др.), популяризирующих идеи терроризма и экстремизма, пропагандирующих культуру насилия, свободного секса, потребления наркотиков и сильнодействующих ве-